

Published in the USA
Russkaya Starina
Issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2024. 15(1): 30-47

DOI: 10.13187/rs.2024.1.30

<https://rs.cherkasgu.press>

Stalingrad Orphanages: Rebuilding on the Ruins, 1941–1945

Olga M. Morozova ^{a, *}, Alexander A. Troyanov ^b

^a Don State Technical University, Russian Federation

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

Orphanages became the main form of state care for children left without parental care in the 1920s. During the 1930s, a model of an orphanage was formed as an upbringing and educational institution and as a form of life arrangement for children taken under state protection. With the beginning of the Great Patriotic War, organized children's groups were transported to the East. The Stalingrad region became one of the hosts of evacuations from the western parts of the country. For food supply of pupils in orphanages subsidiary farms were created, where plots of land and evacuated property were transferred. Children were among the inhabitants of Stalingrad, who could not leave for the left bank of the Volga. The stories of teenagers who survived in the streets of the ruined city, included in the reports of the Department of Schools and Universities of the Regional Party Committee and dated 1943, confirm the event series of memories recorded decades later. During the liberation of the region, special orphanages were established for orphans who had lost their parents during the battles in Stalingrad and the region and had survived the occupation. Juvenile delinquency, which had manifested itself during the first months of street fighting in Stalingrad, was no longer so high after the liberation. Despite the fact that the "children's front" became a place where various initiatives and endeavors emerged, the acute shortage of resources hampered the restoration of the material base of children's institutions. The use of methods of work with children, developed in the pre-war period, contributed to the strengthening of educational work with children.

Keywords: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, military childhood, special orphanages, street children.

1. Введение

Корни государственной опеки незащищенных членов общества уходят глубоко в прошлое. При этом практика призрения за детьми, инвалидами и стариками в разных социумах была различной – от гуманистических до циничных и весьма жестоких обычаев (Сорокина и др., 2016). XX век показал примеры диаметрально противоположного порядка: и высокий гуманизм, и преступления против человечности. На долю нашей страны пришлось, пожалуй, одно из наиболее экстремальных испытаний в годы Великой Отечественной войны. Испить горькую чашу геноцида пришлось вместе с советскими людьми также народам Дальнего Востока, испытавшим оккупацию и массовое уничтожение японской армией, евреям и цыганам Европы.

Более полугода продолжались боевые действия на территории Сталинградской (в настоящее время – Волгоградской) области. Столь длительный срок сказался на судьбах

* Corresponding author

E-mail addresses: olgafrost@gmail.com (O.M. Morozova)

гражданского населения, поставив его перед необходимостью выживать не только во время прохождения линии фронта по территории города и области, но и затем в течение долгих месяцев оккупации или уличных боев. В этом смысле население области и самого Сталинграда оказалось в ни с чем не сравнимой ситуации многодневной жизни на поле боя. Столь же суровым примером могут служить 292 дня городских боев в Воронеже, когда линия фронта проходила непосредственно по улицам города.

Дети в зоне боевых действий лишались семьи в результате потери родных. На оккупированной территории они оказывались предоставленными сами себе, были вынуждены самостоятельно искать пищу и убежище. Когда в результате контрнаступления Красной армии они оказывались на освобожденной территории, то беспризорничество для большинства из них заканчивалось, они попадали в детские дома, их шансы на выживание увеличивались. В рамках широкой темы о гуманитарной функции государства, пребывающего в критическом положении, в статье ставится вопрос о том, как функционировала на территории Сталинградской области система устройства детей, оставшихся без попечения родителей: как проявляла себя, какие свои давала, и какие меры предпринимались для обеспечения ее устойчивости.

2. Материалы и методы

До 1990-х гг. изучение государственной системы защиты и поддержки детства в СССР и обобщение этого опыта на разных этапах советской истории было достаточно редким случаем. Внимание исследователей привлекали крайние выражения угроз благополучному течению детства и, прежде всего, беспризорничество и безнадзорность в годы войны. В одной из немногочисленных работ из этого ряда, выстроенной на общесоюзном материале, дается обзор законодательного обеспечения этой деятельности и впечатляющая картина эвакуации детей из зон боевых действий и устройства их в тыловых районах страны с использованием статистических данных. По мнению ее автора, за четыре военных года в детских домах и приемных семьях воспитывалось более 1 млн детей, оставшихся без родителей или потерявших с ними связь (Синицин, 1969).

В 1990–2000-е гг. данная тема получила импульс развития в парадигме социальной защиты материнства и детства, проводимой государственными органами с привлечением общественных организаций (профсоюзных организаций предприятий и женсоветов) и личной инициативы граждан (Гедько, 1999; Карамашева, 1993; Рокучева, 2008). В 2006 г. Е.Ф. Кринко осуществил историографический анализ современной российской литературы о положении советских детей в годы Великой Отечественной войны (Кринко, 2006). Было отмечено, что на тот момент сохранялось немало «белых пятен», например, в вопросах эвакуации детей и подростков, положения советских детей на оккупированной территории СССР и вывезенных в Германию, детской и подростковой беспризорности и преступности, влияния тягот войны на детский организм, проблема детей-коллаборационистов и другие. Появилось значительное число работ, как правило, на региональном материале, обобщение которых представляет определенную трудность по причине их разноаспектности.

За прошедшее время тема получила серьезное развитие, испытав на себе влияние и историко-антропологического подхода. На примерах воспоминаний детей М.А. Рыблова выявила существенное изменение в годы войны границ детства в сторону резкого сокращения его продолжительности: «Экстремальность ситуации приводила к тому, что мир взрослых ожидал, а иногда и требовал от детей резкого взросления, выполнения сугубо взрослых функций» (Рыблова, 2014: 41). Помимо реальных условий жизни детей той поры, научный интерес представляет трансформация образа военного детства в советской пропаганде 1941–1945 гг. В.Ю. Носков утверждает, что происходил постепенный отказ от акцента на ребенке как объекте заботы государства. Обстоятельства потребовали остановиться на образе ребенка – жертвы врага-детоубийцы – как инструменте мобилизации сопротивления агрессии. Главное место в создании образа ребенка-жертвы заняло освещение преступлений нацистов на оккупированной территории (Носков, 2017). В дальнейшем главными пропагандистскими моделями стали образы ребенка-труженика и ребенка-героя. Они стали основой трудового и патриотического воспитания, реализуемого в детских учреждениях страны.

Надо отметить, что на содержание этих образов оказал влияние сложившийся в СССР в довоенное время аксиологический подход в развитии советской науки, изучающей детство

и сформулировавшей концептуальные идеи о феномене ценности детства и человека независимо от возраста (Антонова, 2012: 9). Несмотря на разгром педологической школы Л.С. Выготского и противопоставление ее педагогике А.С. Макаренко, две концепции не противоречили друг другу, будучи ориентированными на активную формирующую роль среды в развитии ребенка. Различие их подходов касалось объяснения механизма эффективного воспитания.

Непосредственно по вопросам, касающимся темы статьи, были выполнены исследовательские проекты, поддержанные государственными фондами: «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны» (Российский гуманитарный научный фонд), «Досуг детей и молодежи в 1945–1964 гг.: на материалах Сталинградской (Волгоградской) области» (Российский фонд фундаментальных исследований). Опубликованные исполнителями сборники устных воспоминаний и исследовательские работы внесли крупный вклад в мемориализацию событий и понимание исторического прошлого (Дети и война, 2014; Дети Сталинграда, 2015; Рыблова, 2015; Рыблова и др., 2015; Дети и война, 2018).

Источниками данного исследования стали документы отдела школ и вузов из фонда 113 «Сталинградский обком ВКП(б)» Центра документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Эти дела уже привлекали внимание исследователей (Рыблова и др., 2015; Меркурьева, 2016). Одним из организаторов работы с детьми был заведующий обкомом Н.С. Агринский¹, который регулярно отчитывался обкомом о состоянии дел в подведомственной сфере. Используемые в данной статье документы представляют собой информационное обеспечение управленческой деятельности областных властей. Среди них, в частности, обнаружены датированные 1944 г. показания воспитанников сталинградских детдомов о пережитом в оккупированных немцами районах города (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249).

3. Обсуждение и результаты

Институционализация советской модели детского дома. Советская система попечения детей восходит к дореволюционным институтам и организациям. Ими не являются частные и церковные богоугодные заведения – воспитательные дома, содержавшиеся на пожертвования. Источником опыта стала общегосударственная система комитетов по призрению семей лиц, призванных на войну, а также раненых и павших воинов, созданная в годы Первой мировой войны (Щербинин и др., 2021). Большевики предпочитали понятные по методике и концепции проекты, поэтому созданные осенью 1918 г. Лигой спасения детей, хотя и одобренные Совнаркомом детские колонии, сады, клубы и лечебный санаторий в Полтаве, Москве, Петрограде были закрыты к началу 1921 г. (Кускова, 1990). Также был признан негодным и опыт государственного Совета защиты детей, созданного постановлением «Об учреждении Совета защиты детей» 1 января 1919 г. Совет под председательством А.В. Луначарского не имел своих детских учреждений и не занимался воспитанием беспризорников. В основном он выполнял контрольные и координационные функции (Славко, 2009).

К тому времени уже была создана сеть отделов народного образования в составе территориальных советов, которая и перехватила эту деятельность, взяв ее под свое начало. Задачей отделов народного образования было масштабирование мероприятий по организации помощи детям-сиротам и беспризорным, с чем Лига справиться не могла. По оценкам исследователей, Лига за время своего существования смогла принять в свои заведения около 3,5 тыс. человек (Нечаева, 1994: 15; Кривоновосов, 2003: 94). Советскому правительству нужно было реализовывать меры помощи для сотен тысяч бедствующих детей и для миллионов относительно благополучных. В ликвидации Лиги сыграли роль партийно-политический облик некоторых из ее руководителей, надклассовый характер

¹ Агринский Николай Сергеевич, 1905 г. р., во время Сталинградской битвы – заведующий областным отделом народного образования, комсорг полка народного ополчения; в 1949 г. – секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. В 1960 г. в МГУ защитил кандидатскую диссертацию «Сталинградская областная партийная организация в борьбе за подъем культурного уровня трудящихся в период пятой пятилетки (1951–1955 гг.)». Автор ряда агитационно-пропагандистских изданий: «Депутат – слуга народа» (1950), «В тесной связи с массами» (1959), «Развитие культуры в Волгоградской области за годы Советской власти» (1967).

деятельности и тот факт, что эта организация выступала в качестве конкурента в получении остро недостающих в стране материальных ресурсов – мануфактуры, одежды, обуви, продовольствия, специализированных помещений.

Лига спасения детей и Совет защиты детей были распущены в начале 1921 г., и вопросами помощи детям-сиротам стала заниматься Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссия). В нее входили представители Рабоче-крестьянской инспекции, Центрального совета профсоюзов, Всероссийская чрезвычайная комиссия. Деткомиссия начала работать в ближайшем контакте с отделами народного образования и женотделами губернских и городских советов.

За три года деятельности, 1917–1920 гг., отделы народного образования приобрели и опыт, и базу для реализации поставленных задач. Им выделялись специальные фонды для организации бесплатного общественного питания в школах и прочих детских учреждениях. Дети в возрасте до 16 лет из малообеспеченных семей стали получать продуктовые пайки. Начала складываться сеть детских лечебно-профилактических учреждений ([История России в вопросах, 1999: 369](#)).

Детские дома рассматривались как промежуточный этап перед устройством сирот в семьи. В Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР (1918 г.) была сделана попытка восстановления практики опекуна, но на безвозмездной основе: из опеки над сиротами был исключен корыстный расчет (получение денег или прирезки земли). Кодекс отменил институт усыновления также из-за риска эксплуатации усыновленных детей, причем не допускалось усыновление ни чужих детей, ни даже детей родственников. Опекунство было провозглашено общественной повинностью из-за риска эксплуатации принятых на попечение детей. Назначение опекуном и контроль над выполнением им своих обязанностей осуществлял отдел социального обеспечения ([I-й кодекс законов РСФСР, 1918](#)).

В 1921–1922 гг. в ряде районов страны был голод. Наряду со взрослыми из районов бедствия уезжали оставшиеся без попечения дети и подростки. На вокзалах больших городов были созданы детские приемники-распределители, в которые направлялись выловленные в поездах и на перронах бродяжки. К тому моменту вариант опекуна, предложенный Кодексом 1918 г., не получил развития из-за повально недобросовестного исполнения опекунами своих обязанностей ([Рожков, 2000: 135](#)). Поэтому в первой половине 1920-х гг. была сделана ставка на организацию густой сети детских домов в городах и в провинции.

В 1923 г. началась работа над созданием нового брачного, семейного и опекунского права Советской республики, а в 1925 г. проект был вынесен на всенародное обсуждение ([Семья и новый быт, 1926](#)). В 1926 г. закон восстановил усыновление; упорядочил алиментные права и опеку; значительно расширил обязанности родителей по отношению к детям, в том числе в области воспитания и подготовки к общественно-полезной деятельности и еще многое другое, что позволяет сделать вывод о целенаправленной государственной политике по укреплению семьи ([Ростовский, 1933: 55-63](#)). Действие этого кодекса сохранялось до 1969 г. Мероприятия по борьбе с детской беспризорностью в военное и послевоенное время осуществлялись в русле этого законодательства.

Сталинград в эвакуационных потоках 1941–1942 гг. Сталинград являлся городом стратегического значения. Накануне 1941 г. в области насчитывалось более 300 заводов и фабрик, в самом областном центре работало 126 фабрично-заводских предприятий ([Сталинградская область, 1958: 257](#)). Значение города состояло и в том, что железнодорожные пути, идущие через город, продолжались за Волгой, связывая Поволжье с восточными районами страны. В 1941 г. через Сталинград, Куйбышев, Саратов шла эвакуация эшелонов с людьми и оборудованием промышленных предприятий. Среди уезжающих в тыл были дети, как в составе семей, так и в составе организованных групп в сопровождении воспитателей. Это были дети, оказавшиеся на государственном попечении – воспитанники детских домов, детских садов, пионерских лагерей, специальных школ, детских санаториев ([Очерки истории КПБ, 1967: 307](#)). К концу 1942 г. из прифронтовой зоны и районов, находившихся под угрозой оккупации, были вывезены в безопасные зоны страны воспитанники 976 детских домов. Сотни тысяч ребят были эвакуированы в первые месяцы войны только из Москвы и Ленинграда ([История России в вопросах, 1999](#)).

С начала войны в Сталинградскую область с западных территорий страны прибыл и разместился 71 детский дом с контингентом более 8 тыс. детей, в том числе пять детских домов для испанских детей (620 человек) (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 277. Л. 1-8). В частности, область должна была принять с Украины в станице Арчединской Михайловского района детский дом № 12 для испанских детей. Станица находилась на левобережье Дона, куда не была пропущена германская армия. В этом учреждении удалось наладить подсобное хозяйство, которое обеспечивало детей овощами и молочными продуктами (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 61. Л. 186). В документах упоминается и детский дом для детей из семей советских немцев, расположенный в Медведевском районе. Впоследствии его воспитанники были переведены на восток – в Уфу и на Алтай (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 4).

Существуют отдельные сообщения о том, что в составе организованных групп эвакуировались школьники, проживавшие в родных семьях. Г.С. Лискер, работавший в 1941 г. директором школы в недавно присоединенном к СССР городе Бендеры, в конце июня получил приказ горно, который предписывал ему вывезти учеников школы в предоставленных для этого вагонах в Харьков. Эшелон благополучно прибыл в Харьков, где Лискер и сдал детей на попечение соответствующих органов. Бендеры уже были оставлены Красной армией, и он явился в военкомат, где добровольцем вступил в армию. Дальнейшая судьба учеников ему осталась неизвестной (Лискер, 2002). Вывоз населения из Харькова начался в сентябре 1941 г. Местами назначения были Саратовская, Сталинградская области и Казахская ССР (Куманев, 1963: 61). Для гражданского населения эвакуация носила многоэтапный характер. Прожив некоторое время в пункте временного размещения, при приближении фронта люди отправлялись дальше в тыл. В таких условиях члены семьи часто теряли друг друга.

До лета 1942 г. Сталинградская область принимала эвакуационные потоки. В регион с Украины, из Белоруссии, Ленинграда прибыло до 10 тыс. детей, оставшихся по разным причинам без попечения родителей. Позже они были размещены в созданных для них детских домах. А в самой области уже к началу 1943 г. в связи с эвакуацией детских учреждений, обусловленной началом наступления немецких войск летом–осенью 1942 г., на попечение государства в детских учреждениях содержалось около 3,1 тыс. детей (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 5. Л. 75-75 об.).

В докладах обкома ВКП(б) приводятся отчетные цифры с результатами проделанной работы в интересах детей-сирот. Для них было собрано 200 тыс. разных вещей и 1 050 тыс. руб. деньгами. 27 января 1942 г. решением исполкома облсовета в целях создания собственной материальной базы и организации трудового воспитания детей детским домам были отведены земельные участки площадью 1200 га, передано через колхозы из эвакуированного скота 200 лошадей, 450 коров, 254 свиньи, 947 овец и прочее. На базе этого имущества при всех детских домах были созданы подсобные хозяйства. В результате проведенной реорганизации сети детских домов и работы по трудоустройству и усыновлению воспитанников к концу 1941–1942 учебного года в списках детских домов числилось около 10 тыс. детей (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 2), о чем уже было сказано ранее.

В связи с приближением фронта к Сталинградской области возникла необходимость эвакуировать детские дома из придонских районов, граничащих с Воронежской областью. В июле 1942 г. было эвакуировано более 18 детдомов в Астраханский округ и семь детдомов в заволжские районы области – более безопасные и обеспеченные ресурсами. Для оказания им материальной помощи в августе для них было ассигновано 9 млн руб. (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 3). Один из руководителей этой работы М.А. Водолагин¹ отмечал, что для эвакуированных детей организовывались условия для продолжения обучения в школах, говорил о необходимости освобождения учителей от мобилизации (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8. Л. 425-428).

В следующие месяцы было перемещено из Сталинградской области 63 детских дома с более чем 9 тыс. воспитанниками: больше всего в Молотовскую область (в настоящее время – в составе Пермского края) – 23 детдома с 4280 воспитанниками, в Узбекскую ССР –

¹ Водолагин Михаил Александрович (1903–1981) – в годы Великой Отечественной войны секретарь Сталинградского обкома по пропаганде и агитации, военный комиссар Сталинградского корпуса народного ополчения, особоуполномоченный по обеспечению переправы через Волгу раненых бойцов, населения и эвакуированных (Сталинградская битва, 2012: 563).

1404 воспитанника, в Актюбинскую область – 1135 человек, а также в Свердловскую область, Башкирскую АССР, Алтайский край. Детские дома для испанских детей были направлены в Уфу – 739 человека, два немецких детских дома из хутора Медведев – в Алтайский край – 200 человек (ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 4). Согласно документам, детские дома организованным порядком были эвакуированы до начала бомбардировок города.

В работах, основанных на опубликованных воспоминаниях-интервью, говорится, что эвакуация гражданского населения из Сталинграда носила стихийный характер, что вперед пропускались составы с оборонными грузами и ранеными, что женщины, дети и старики не могли инициативным порядком переправиться на левый берег Волги из-за действий властей по борьбе с паникой, а потом из-за страшных бомбежек 23–28 августа 1942 г. Затем с запозданием, после распоряжения из Москвы, началась организация эвакуационных путей для «забытых» в городе рабочих и служащих металлургического завода «Красный Октябрь» и гражданских, самостоятельно выбравшихся из Сталинграда. Были созданы эвакуопункты в Ленинске и Средней Ахтубе (Павлова, 2005: 165). Воспоминания показывают, что и на этом этапе матерям с маленькими детьми препятствовали проходу на суда и баржи, в том числе из-за их неприспособленности к перевозке граждан. От переправы отказывались большие многодетные семьи. Все это объясняет причины нахождения на территории города, ставшего ареной длительных боевых столкновений, большого количества мирного населения.

Бытие на поле боя. В фондах музея «Дети Царицына – Сталинграда – Волгограда», в сборниках «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города» (Дети и война, 2014) и «Дети Сталинграда: 10 лет после войны» (Дети Сталинграда, 2015) собраны свидетельства, записанные уже в 1990–2010-е гг. Составители понимали, что, имея дело со столь значительным временным разрывом, они могут столкнуться с проблемой ложных воспоминаний и абберацией памяти. Это затруднение было снято рядом факторов: научная культура исследователей, внутренняя дисциплина и ответственность респондентов, сам комплекс меморатных документов, приобретший характеристики массового источника. Достоверность воспоминаний подтверждается тремя найденными среди синхронных документов отдела школ и вузов Сталинградского обкома ВКП(б) короткими рассказами подростков 12–14 лет, переживших дни битвы непосредственно в городе. Их имена Маруся Степанова, Нина Гусельникова, Вячеслав Вальцевич (ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 6-9).

До войны они принадлежали к большим полным семьям, в которых было от трех до шести детей разного возраста. Отцы двоих из них ушли на фронт. Еще до прихода немцев некоторые члены их семей получили ранения от снарядов и бомб. Люди покидали свои дома, укрываясь в вырытых поблизости щелях. В первые дни битвы подвал был более надежным убежищем, чем щель в земле. Немцы выгоняли жителей из опустевших окопов, которые они пытались обустроить для жилья. Осенью 1942 г. в оккупированных районах города местом обитания жителей стали ямы. В них ютились вместе не только родственники, но и совсем чужие друг другу люди. Зимой при возможности укрывались в подвалах.

Первая встреча семьи Маруси Степановой с оккупантами привела к потере отца и старшего брата, изуверски казненных нацистами на глазах родных. Очевидно, мужчин в тылу оставлять немцы опасались.

Матери подростков умерли вскоре после начала уличных боев от голода и ран.

Мать Нины Гусельниковой имела небольшой запас муки и масло. Она варила похлебку для детей, но сама не ела, вскоре стала пухнуть и через два месяца умерла, за ней от голода умер шестимесячный Коля, который, как вспоминала девочка, кричал днем и ночью. Основной пищей для оставшихся детей были туши убитых лошадей, от которых они руками отрывали куски мяса и ели его сырым. Снятую с туш кожу размачивали в воде. Это блюдо называлось холодцом.

В те месяцы, когда кварталы стали «тылом», жизнь там была специфической. Пленные безоружные красноармейцы могли относительно свободно передвигаться, их охрана не всегда была строгой. Немцы занимались грабежом, но жителей без повода не трогали. Причиной была не культовая немецкая сентиментальность, а, вероятно, другие соображения. Однажды в сильный мороз в подвал, где жила Нина Гусельникова с оставшимся в живых братом, вошли два немецких солдата и сказали, что будут ночевать тут. Четырехлетний брат Вова на свою беду подошел к столу, где горела лампа, и один из немцев увидел в волосах ребенка копошащихся вшей. Он выволок его за руку на улицу.

На другой день девочка нашла своего братишку в яме, где он и замерз ночью. Она осталась одна и перешла к старушке, которая жила в яме недалеко от подвала. Троице подросткам повезло: на них наткнулись армейские разведгруппы и вывели в зону расположения своих частей, затем через приемник-распределитель они оказались в детдоме.

Ряд сюжетов из рассказов подростков повторяются в поздних воспоминаниях сталинградцев, записанных спустя 40 и более лет.

На оккупированной территории Сталинградской области германские власти осуществляли тот же карательный режим, что и на других захваченных неприятелем советских землях. В хуторе Аверин Калачевского района гитлеровцы заперли до смерти и бросили в силосную яму 10 мальчиков в возрасте от 4 до 14 лет (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 6).

Уничтожались люди, признанные неполноценными. В станице Нижне-Чирской существовал дом для детей-инвалидов. 1 сентября 1942 г. 47 его воспитанников были расстреляны в 5 км от станицы (Детгубийцы, 1943). Показания об обстоятельствах преступления дала сотрудница детского дома. Она отмечала, что руководили расстрелом два немецких офицера, один из которых говорил по-русски.

Детские дома Сталинградской области. В первые месяцы Великой Отечественной войны в условиях эвакуации и временного размещения в непригодных помещениях бытовая и санитарная ситуация в детских учреждениях была неблагоприятной. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 22 августа 1941 г. «О детях, эвакуированных из Москвы и Ленинграда», вышедшем под грифом «Совершенно секретно», отмечалось, что во многих районах эвакуированные дети спят скучено и на полу (В штабах Победы, 2020: 322). Таким было положение повсеместно. Некоторые исследователи объясняют факт спешной эвакуации, когда основная масса детей уезжала в легкой летне-осенней одежде, даже не взяв с собой теплые вещи, тем, что СССР не был готов к долгой и затяжной войне (Бобровников и др., 2015). Считаем это утверждение не вполне справедливым, поскольку невозможно полностью быть готовым к бедствиям и испытаниям.

На начало войны в Сталинградской области насчитывалось 24 (по другим сведениям – 27) детдома (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 277. Л. 1). Не все из них были эвакуированы в тыл. Благодаря тому, что бои за Сталинград и Воронеж сковали продвижение германской армии, часть территории области (левобережье Дона и Заволжье) оставалась советской, и там продолжали действовать органы власти и социальные учреждения, в частности, Арчединский детский дом, куда были направлены трое подростков, чьи рассказы приводятся в статье.

В Сталинграде после освобождения от немцев работники советских организаций тут же занялись поиском и постановкой на учет детей, потерявших родителей, их направляли в созданные детские приемники, детдома и детские сады. В оккупированной части города после освобождения не было найдено ни одного уцелевшего здания детского учреждения. Все они, как казалось педагогам, были намеренно разрушены.

Регистрировалась серьезная убыль населения за время оккупации, наибольшей она была в Воронеже, Керчи, Новороссийске, Севастополе, Ростове-на-Дону, Сталинграде. В Сталинграде к моменту изгнания врага осталось всего 54,3 тыс. жителей, или 12,2 %, в Воронеже – 68,1 тыс. человек, или 19,8 % от довоенной численности населения (соответственно – 445,3 тыс. и 344,0 тыс. человек). Е.Е. Щекотихин назвал эти территории намеренно созданными оккупантами зонами выжженной земли, где «население было обречено как на мгновенную смерть от огня... так и на длительный процесс вымирания от голода и заразных болезней, после исчезновения населенных пунктов и домов в них» (Щекотихин, 2011: 173).

Постепенное превращение области в тыловую территорию поставило перед региональными властями задачу возрождения всех сфер хозяйства. В начале 1943 г. в приволжских и донских районах Сталинградской области было обнаружено около тысячи детей-сирот, что вынудило советские власти принять ряд срочных мер по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

На 1 января 1943 г. в Сталинградской области работали с большими перебоями 106 детских садов, в которых числилось 4570 воспитанников и 848 человек обслуживающего персонала. К этой дате было организовано шесть детских домов с 1075 детьми

и 115 работниками. За первые семь месяцев после освобождения города до июля 1943 г. было организовано 19 детдомов, девять детских комнат-приемников. За этот период было учтено по области 10 883 ребенка, оставшихся без родителей, из них дошкольного возраста – 852 человека (ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 4-5).

В течение года в Сталинградской области было организовано 10 специальных детских домов на 1,5 тыс. человек. Областные специальные детские дома – это были учреждения особой категории. Их воспитанники – это сироты, потерявшие родителей во время боев в Сталинграде и в области, находившиеся на занятой неприятелем территории и пережившие все тяготы немецкой оккупации. Всего в Сталинградской области стало 25 детских домов и четыре детских приемника. Детские дома были трех типов – дошкольные, школьные и смешанные – в зависимости от возраста воспитанников (ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 9).

Уровень материального обеспечения воспитанников детских домов был близок к катастрофическому. Одежды для детей не хватало. В Урюпинском детдоме было выявлено наличие верхней зимней одежды только на 17 человек при 160 воспитанниках. Не хватало мыла, постельного белья, одеял. Плохо обстояло дело с заготовлением топлива. В лучшем случае обеспеченность достигала половины требуемого объема.

Весной 1943 г. началась работа по ремонту и оснащению уже существующих и вновь создаваемых детских домов. Руководство прибегло к применявшимся до войны способам мобилизации людей. В июле 1943 г. было объявлено социалистическое соревнование среди детских домов на лучшую подготовку к зиме. Оно посвящалось 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Соревновались между собой и внутри детского дома, группа с группой, воспитанник с воспитанником, воспитатель с воспитателем. Окончание работ было запланировано на октябрь 1943 г.

В целях привлечения партийных и общественных организаций к оказанию помощи детским домам в подготовке к зиме в августе 1943 г. было вынесено решение облисполкома об улучшении работы детских домов «О своевременной подготовке к работе в зимних условиях». Повод для возвращения к этому вопросу был очевиден. Когда была составлена подробная сводка материального состояния учреждений и количества необходимого инвентаря, стало ясно, что работа займет несколько месяцев – слишком огромен был нанесенный ущерб. В итоге к 20 октября 1943 г. многие, хотя и не все, детские дома в области были отремонтированы. Лучшим детским домом по подготовке к зиме был признан Руднянский детдом, которым руководил директор Ставицкий. Также были отмечены Арчединский специальный дом для детей-сирот и Николаевский детдом № 3. В ходе подведения итогов социалистического соревнования были названы лучшие директора и воспитатели и указаны качества, обеспечивающие авторитет и привязанность воспитанников: трудолюбие, настойчивость, честности, любовь к детям и к своему делу. На подсобных хозяйствах эти воспитатели работали вместе с детьми, подавая им пример (ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 22-23, 31). К концу 1943 г. удалось справиться с наиболее насущными проблемами, среди которых первоочередной был ремонт помещений и оставшейся мебели. Теплую одежду и обувь, хотя и не на всех воспитанников и не во все учреждения, стали подвозить уже зимой.

Все воспитанники спецдомов пережили потерю родных, видели их смерть, узнали голод и холод. Педагоги хорошо понимали, что их подопечным нужна реабилитация – и физическая, и душевная. Ставка была сделана на культурную работу, трудовое воспитание и профессионально-трудовое обучение. В докладе председателя обкома союза работников дошкольных учреждений о работе детсадов и детдомов Сталинградской области за 1944–1945 учебный год отмечалось, что развернувшиеся на территории Сталинградской области с осени 1942 г. военные действия наложили отпечаток на содержание, формы методы внешкольной работы. Значительно усилилась связь детдома с жизнью, выразившаяся в многообразной общественно полезной деятельности работников и детей (ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 1-12, 22-33). В качестве положительного примера в этом же докладе был особо отмечен Николаевский детдом № 3 (директор – Жеменюк), где была налажена кружковая работа, организованы драматический, хоровой, физкультурный, балетный кружки. Была там и художественная самодеятельность, которая обслуживала окрестные села и госпитали. В подсобном хозяйстве собственными силами было засеяно зерновыми культурами 32 га, бахчевыми – 1,5 га, овощами и картофелем – 2 га. Дети были организованы в бригады, к которым были прикреплены воспитатели и другие работники

детдома. Воспитанники Руднянского детского дома изготавливали в своих мастерских приборы для кабинетов лечебной физкультуры в воинских госпиталях. В швейной мастерской и рукодельных кружках дети пошили 1,5 тыс. штук нового белья, починили для раненых бойцов более 5 тыс. комплектов разного белья. Воспитанники в собственных мастерских детдома изготовили 145 комплектов домино и 25 комплектов шашек, а также получили заказ от местных колхозов на изготовление тысячи рамок для ульев пчел.

Ситуация в детских учреждениях в первый год после освобождения западных районов области была разная. В одних работа кипела, школьники были вовлечены в общественно полезную деятельность в формах, сложившихся в 1930-е гг.: политинформации, выставки, конкурсы, торжественные линейки. Не были забыты методики культурного развития детей, способы приобщения к чтению. Воспитатели устраивали коллективную читку художественной литературы. Среди их подопечных были дети, приобретшие реактивный невроз после пережитого стресса и страдавшие немотой психической природы, но, благодаря работе воспитателей и индивидуальному подходу к каждому ребенку, они смогли вновь заговорить (ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 277. Л. 8).

Дети посещали госпитали и принимали гостей – выздоравливающих бойцов, слушали их рассказы о боях. Особенно непринужденно эти встречи проходили в дошкольных детдомах, как отмечали инспекторы обкома. После этого воспитанники изображали на рисунках, как Красная армия уничтожает вражеские самолеты и танки, и с энтузиазмом исполняли песни «Три танкиста», «Два Максима», о Сталине. Подопечные детских домов включились в работу по помощи фронту. В Руднянском детском доме они собирали полезные травы и в своих мастерских делали вещи, необходимые для военных госпиталей. При этом в учреждении имелось три мастерские – швейная, столярная и сапожная. Другие учреждения больше напоминали ночлежки. Дети из далекого от линии фронта детдома в Ждановском районе не были заняты никакой работой, отличались распущенностью, недисциплинированностью, грубостью (ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 26-30).

Усилий отделов оказалось недостаточно для решения этих проблем, и были использованы политические инструменты. Обком ВЛКСМ Сталинградской области вынес решение о шефстве комсомольской организации над восстанавливаемыми детскими домами. Серафимовичский район стал ареной осенних боев, подвергся разграблению и разрушению. Для возмещения уничтоженного имущества местного детдома комсомольцы района собрали кровати, посуду и книги для его воспитанников. При райкомах ВЛКСМ Сталинградской области создавались подобные специальные фонды помощи детям, оставшимся без родителей (Меркурьева, 2015: 309). Работа с детьми, оставшимся без попечения, носила межведомственный характер. Осенью 1943 г. был проведен медицинский осмотр всех воспитанников детских домов (Синицин, 1969: 24).

К окончанию боев в Сталинграде в городе оставались и дети при матерях. Как отмечалось в докладах ответственных органов, уже в марте 1943 г. в городе начала восстанавливаться работа детских садов. Они открывались в полуразрушенных домах, подвалах, а порой и в блиндажах. Организацией детских садов занимались рядовые работники дошкольных учреждений. Своими руками они проводили ремонт помещений и инвентаря, приводили в порядок столы и скамейки, клали печи, строили во дворах летние кухни, на городских развалинах собирали мебель, посуду. Когда были открыты первые детские сады, то няни и воспитательницы на своих плечах таскали тележки с топливом и продуктами (ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249. Л. 11).

Спустя год после освобождения области ситуация в детских учреждениях, детских домах, школах и детских садах оставалась неблагоприятной. В начале лета 1944 г. сотрудница детского сада № 38 Александра Максимовна Черкасова выступила с призывом к женщинам организовать постоянную бригаду для участия в восстановительных работах во внеурочное время и выходные дни. Все месяцы битвы она провела в городе, работая в госпитале, была награждена медалью «За оборону Сталинграда», а в 1944 г. стала общественным лидером – председателем уличного комитета в Дзержинском районе Сталинграда. Бригада из 22 женщин была сформирована быстро, туда вошли жены фронтовиков, воспитательницы и технические работницы детских учреждений, домохозяйки. В свой первый выходной день бригада в полном составе вышла на помощь строителям, восстанавливавшим знаменитый дом Павлова.

Применительно к сотрудникам детских домов «черкасовский метод» означал пребывание вместе с воспитанниками круглосуточно и в выходные дни, постоянное участие в работе на подсобном хозяйстве. Рабочий день длился 9 часов, но большинство воспитателей проводило со своими подопечными 14–19 часов в сутки, при этом, как говорилось в докладе отдела школ и вузов обкома, никто не тяготился этим, хотя никто не получал за переработанные часы дополнительной оплаты (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 29. Л. 2-3).

Данная часть статьи преимущественно основана на отчетных документах отдела школ и вузов обкома. Для этого типа источников характерна тональность «бодрых рапортов». Но время было таково, что управленческий аппарат нес ответственность за достоверность сведений и непринятие мер по исправлению недостатков. Контроль состояния подведомственной сферы, учет движения числовых показателей, определение лидеров и отстающих также предстают в ведомственных документах.

Источники дают представление о кадровом обеспечении детских домов. Квалифицированные и опытные педагоги со стажем шесть и более лет составляли 60 %. С другой стороны, отмечалась высокая текучка кадров на директорских должностях. Можно предположить, что она была вызвана трудностями выполнения поставленных задач в условиях военного времени.

В указанном фонде обнаружен интересный документ – датированное 4 марта 1944 г. письмо эвакуированной учительницы в Москву, по-видимому, мужу, вернувшемуся в столицу незадолго до того. Женщина работала в школе одного из сел Сталинградской области, имела на руках ребенка. За это время педагогический состав волей местных властей был лишен пайков. Люди доедали последнее. У одной из коллег умерло двое детей. Сельсовет и председатель колхоза злорадствовали. Учителя пришлось им не ко двору. После публичной жалобы председателю райисполкома во время сельского отчетного собрания автору письма было выдано полкило муки с дранкой. Хорошо, что была тыква, сообщалось в письме, но и она уже подходила к концу. Письмо было просмотрено военной цензурой и передано в областное управление НКГБ, которое установило, что письмо отправлено директором школы Городищенского района. Копия была направлена первому секретарю обкома партии А.С. Чуянову для принятия мер (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 261. Л. 7).

Одной из причин трудностей была большая наполненность домов для сирот. В связи с этим не достигались нормы по снабжению одеждой, обувью, бельем; воспитанникам в должной мере не уделялось внимание персонала. Выходом из этой ситуации представлялась традиционная мера общественной заботы о сиротах – распределение их по семьям. Инициатива должна была принадлежать будущим наставникам, поэтому сотрудники отделов образования обходили кварталы и предприятия, призывая женщин взять ребенка из детдома или детского приемника. Недостатком такого подхода было отсутствие дальнейшего контроля над усыновителями со стороны органов народного образования и здравоохранения. Семьи, которые брали на себя заботу о таких детях, порою не изучались должным образом (Рожков, 2000: 134-139).

Но в условиях разрушенной системы детских учреждений в Сталинграде не было иного выбора. Как только враг был отодвинут от стен города, широкие масштабы приняло патронирование и усыновление детей. В соответствии с постановлением СНК от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», которое провозгласило отказ от принципа безвозмездного попечительства над сиротами, лицам, принявшим на воспитание детей, через учреждения Наркомпроса выдавалось ежемесячное пособие в размере 50 руб., что было оправдано тяжелым положением большинства семей. Осуществлялось трудоустройство старших подростков на начинавших работать производствах, поскольку на заводах и в прочих тыловых организациях не хватало рабочих рук. За первый месяц кампании в области было усыновлено и трудоустроено 1238 детей и подростков (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 5. Л. 75). В целом по стране за весь период военных действий под опеку и патронаж было оформлено 270 тыс. детей-сирот (Чудаев, 2016: 142).

Детская беспризорность и преступность. Рост детской беспризорности в начале войны потребовал структурных изменений в системе социальной защиты детей-сирот. В 1942–1943 гг. были приняты постановления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Ведомством, на которое возлагалась задача,

поставленные в данных документах, был НКВД СССР. В них предусматривалось создание комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, при местных Советах и организация отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в составе органов НКВД как центров для координации всей работы в этом направлении.

Наполнение детдомов контингентом происходило через детские приемники-распределители. В 1944 г. в Сталинградской области функционировало пять таких распределителей, по данным Управления НКВД, рассчитанных на 290 мест. Они имелись в Сталинграде, Камышине, Урюпинске, Нижне-Чирской и Михайловской. Большинство детей оттуда были направлены в детдома (244 ребенка), старшие подростки – в ремесленные училища (15 человек) и школы фабрично-заводского обучения (далее – ФЗО) (12 человек). Трое определены в трудовую колонию. Очевидно, была установлена их уголовная ответственность. Четверо оказались в больнице, девять детей сбежали (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 29. Л. 1-2). По мнению составителей документа, побеги были связаны с формальным, а иногда бездушным отношением со стороны работников железнодорожных станций и районных организаций. В худших детских домах, где руководству не удалось наладить работу подсобных хозяйств, воспитанники голодали и мерзли.

Проблему детской беспризорности решали за счет увеличения количества детских домов и школ-интернатов в тыловых районах страны (Варехина, 2012: 32). Эвакуационный путь лежал через Подмоскowie, Ростовскую, Сталинградскую, Саратовскую области и другие регионы, и часть детей оседала на этих территориях. Они терялись, отставали, намеренно покидали эшелоны. Причиной этого могли быть инциденты наподобие того, что произошел на станции Балашов. 27 детей (от 3 до 12 лет), организованно, но без сопровождения направлявшиеся в детский дом, были высажены из вагона поезда Москва–Тбилиси по распоряжению ревизора Климова (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 29. Л. 2-3). Этот случай стал поводом для служебного разбирательства.

Состав беспризорных детей был пестрым: осиротевшие; отставшие от родителей во время эвакуации; сбежавшие из различных детских учреждений, школ ФЗО и предприятий. Они отличались по степени педагогической запущенности: были дети, окончившие 6-7 классов, и дети, не умеющие читать и писать; желающие вернуться к «оседлой» жизни и закоренелые беспризорники, ведущие бродячий образ жизни с довоенных времен (Сулейманова, 2015).

Одной из причин сохранения беспризорности, помимо объективных факторов, был эффект вранствия детей в закрытую социальную среду со своими специфическими правилами, языком, образом жизни, целым комплексом искаженных морально-этических принципов. В годы войны сохранилась криминальная «специализация» беспризорников, описанная А.Ю. Рожковым для периода 1920–1930-х гг.: «кусочки» (попрошайки), «певцы» (спекулянты и мелкие ворюшки), «жулики» (налетчики) (Рожков, 1997: 71). Т.С. Рябова связала уровень «посвящения» со сроком пребывания детей на улице (Рябова, 2012). Опыт советского воспитания повлиял на то, что доля «упорных» беспризорников была ниже, чем в предыдущий период (Сулейманова, 2015). Дети, лишившиеся семьи во время эвакуации, сами обращались в детприемники, что показал и материал Сталинграда.

На судьбу сталинградских детей оказали влияние конкретные события: тотальные бомбардировки 23–28 августа 1942 г., когда была разрушена переправа и уничтожены транспортные суда; прекращение работы центральной переправы 14–17 сентября, характер эвакуации из города – необходимость наличия пропуска и недопуск к выезду членов семей сотрудников эвакуированных предприятий (Рябец, 2018: 11).

Когда город погружался в сумятицу паники и безнадежности, брошенные руководством и оставшиеся не у дел учащиеся ремесленных школ и ФЗО сбивались в банды и грабили пытавшихся эвакуироваться людей и квартиры жителей города, о чем неоднократно упоминается в справках о состоянии общественного порядка (Сталинградский городской Комитет, 2007: 463-467). Впервые об этом было написано в иноязычных публикациях (Сталинградская битва, 2015). Документы содержат немало примеров криминальных инцидентов с участием учеников ФЗО. Подопечные школы ФЗО завода «Красный Октябрь» создали преступную группу, во главе которой стал учащийся по фамилии Савенков. Они совершили множество хищений, прежде чем попались в руки сотрудников НКВД. Их схватили сразу после кражи из артели инвалидов готовой обуви на

общую сумму 1285 руб. Также были пойманы члены группировки Теплякова и Матраева, совершившие кражи на общую сумму 5000 руб. Воспитанники ремесленного училища № 2 во главе с учеником Генераловым за два месяца совершили 32 хищения имущества с военных складов. Они умудрялись обворовывать военные автомобили, где интерес для них представляли ящики с папиросами и продукты питания. Совершались кражи из квартир граждан. Очевидцы указывали на риск, которому подвергались мародеры и воры. По законам военного времени все объекты имели вооруженную охрану, что приводило не только к задержанию, но и к гибели малолетних правонарушителей. Управление НКВД по Сталинградской области, когда в городе уже шли бои, ежемесячно выявляло на улицах города до 100 беспризорников, которых переправляли через Волгу (Панченко, 2013: 35; Брошенные дети..., 2018).

Были подсчитано, что в областях Среднего Поволжья свыше 60 % сирот были устроены в приемные семьи на патронат, опеку и усыновление (Рокутова, 2008: 15). В 1943–1944 гг. с целью разгрузки детдомов старшие подростки направлялись в школы ФЗО и на производства. Но там они выпадали из-под контроля педагогов. С ними не проводилась воспитательная работа, подобная той, какая была в детдомах. Интерес мастеров и руководителей к малоценным работникам был невысок. Они получали минимальное содержание и нередко восполняли свои потребности незаконным путем. Но подростковая преступность в тех масштабах, какие были накануне городских боев, в документах Сталинградского обкома 1943–1944 гг. не нашла отражения. После окончания войны беспризорность сократилась, но так и не исчезла вплоть до 1950 г. (Рокутова, 2008: 15).

4. Заключение

В зоне боевых действий дети отбивались от семей или лишались родных в результате их гибели. На оккупированной территории они оказывались предоставленными сами себе, были вынуждены самостоятельно искать пищу и убежище, выживать при встрече с оккупантами. Обнаруженные в архивных фондах Сталинградского обкома партии рассказы трех подростков о жизни в городе в дни битвы вписываются в общую канву воспоминаний, уже собранных современными исследователями. Когда в результате наступления частей Красной армии дети оказывались на освобожденной территории, беспризорность для большинства заканчивалась, они попадали в детские дома, и шансы выжить для них повышались. Конкретно для таких сирот были созданы областные специальные детские дома. Документы отдела школ и вузов обкома партии, который ведал всеми детскими учреждениями области, сообщают о состоянии подведомственных учреждений и ходе их восстановления. Однако анализ этих источников требует особого подхода. В них присутствует сочетание несколько завышенных достижений при реалистичной картине недостатков, поскольку для их ликвидации нужно было обосновать получение ресурсов и сообразное время исполнения. Работа на «детском фронте» представлялась важнейшей задачей учреждений региональной власти.

Литература

- 1-й кодекс законов РСФСР, 1918 – 1-й кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М.: 3-я Гос. тип., 1918. 66 с.
- Антонова, 2012 – Антонова Т.А. Социально-педагогическая работа с беспризорными детьми в советской России (СССР) в 1918–1935 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2012. 142 с.
- Бобровников и др., 2015 – Бобровников В.Г., Дулина Н.В., Игнатова Ю.Е. Беспризорники военного времени: вопросы социальной защиты в Сталинградской области в период 1941–1945 гг. // *Социально-гуманитарный вестник Прикаспия*. 2015. № 2 (3). С. 39–45.
- Брошенные дети..., 2018 – Брошенные дети Сталинграда: жизнь и преступления подростков в сражающемся городе. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://bloknot-volgograd.ru/news/broshennye-deti-staljingrada-zhizn-i-prestupleniya--1016982?sphrase_id=7061700&ysclid=lwxsvvx590907428139 (дата обращения: 15.05.2024).
- В штабах Победы, 2020 – В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5 кн. Кн. 1. 1941. «Вставай страна огромная». М.: Науч.-полит. кн., 2020. 576 с.
- Варехина, 2012 – Варехина А.Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // *Педагогическое образование в России*. 2012. № 4. С. 32–39.

Гедько, 1999 — *Гедько М.И.* Государственная социальная политика в отношении детей: Опыт и уроки 1920-х гг. На материалах Москвы и Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 201 с.

Дети и война, 2014 — Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / Под ред. М.А. Рыбловой. Волгоград: Изд-во РАНХиГС, 2014. 511 с.

Дети и война, 2018 — Дети и война: жизнь в оккупации и изгнании. Материалы областной научно-практической конференции, 9–10 февраля 2017 г. Волгоград: [б. и.], 2018. 143 с.

Дети Сталинграда, 2015 — Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города / Под ред. М.А. Рыбловой. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 360 с.

Детоубийцы, 1943 — Детоубийцы // Сталинградская правда. 1943. № 228 (4658). 28 ноября.

История России в вопросах, 1999 — История России в вопросах и ответах: учебное пособие для студентов вузов / сост. С.А. Кислицын. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 698 с.

Карамашева, 1993 — *Карамашева Н.Н.* Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири): авторефер. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 20 с.

Кривоносов, 2003 — *Кривоносов А.В.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // *Государство и право*. 2003. № 7. С. 92-97.

Кринко, 2006 — *Кринко Е.Ф.* Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2006. № 4. С. 25-31.

Куманев, 1963 — *Куманев Г.А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 324 с.

Кускова, 1990 — *Кускова Е.Д.* Беспризорная Русь // *Советская педагогика*. 1990. № 10. С. 122-131.

Лискер, 2002 — Лискер Григорий (Цви) Самуилович, 1918 г. р. Воспоминания о 1941–1945 гг. Записано в г. Холон, Израиль. Дата записи: 1 июня 2002 г. Интервьюер: О.М. Морозова // Личный архив О.М. Морозовой (Ростов-на-Дону).

Меркурьева, 2015 — *Меркурьева В.С.* Шефская помощь детям-сиротам Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015. № 5 (100). С. 308-312.

Меркурьева, 2016 — *Меркурьева В.С.* Особенности организации учебно-воспитательной работы в детских домах Сталинградской области в 1943–1945 гг. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2016. № 3 (107). С. 219-223.

Нечаева, 1994 — *Нечаева А.М.* Охрана детей-сирот в России (История и современность). М.: Дом, 1994. 169 с.

Носков, 2017 — *Носков В.Ю.* Образ военного детства в советском общественном сознании 1941–1945 гг. (на материалах Донбасса): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 2017. 23 с.

Очерки истории КПБ, 1967 — Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии / под ред. Н.М. Мешкова и Н.А. Халипова. Минск: Госиздат БССР, 1967. Ч. 2. 586 с.

Павлова, 2005 — *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.

Панченко, 2013 — *Панченко Ю.Н.* 163 дня на улицах Сталинграда. Волгоград: Издатель, 2013. 260 с.

Рожков, 1997 — *Рожков А.Ю.* Беспризорники // *Родина*. 1997. № 9. С. 70-76.

Рожков, 2000 — *Рожков А.Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // *Вопросы истории*. 2000. № 1. С. 134-139.

Рокутова, 2008 — *Рокутова О.А.* Социальная защита детей и подростков в Среднем Поволжье в 1941–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 24 с.

Ростовский, 1933 — *Ростовский И.А.* О браке, семье и опеке. М.: Сов. законодательство, 1933. 71 с.

Рыблова, 2014 — *Рыблова М.А.* «Территория детства» в пространстве войны (на материалах Сталинградской битвы) // *Вестник Волгоградского государственного*

университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 37-48.

Рыблова, 2015 – Рыблова М.А. Дети Сталинграда: пищевые практики военного времени // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2015. № 4. С. 168-179.

Рыблова и др. 2015 – Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.И., Назарова М.П. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 336 с.

Рябец, 2018 – Рябец И.А. Дети – жертвы войны (на примере Сталинградской битвы) / *Дети и война: жизнь в оккупации и изгнании.* Материалы областной научно-практической конференции, 9–10 февраля 2017 г. Волгоград: [б. и.], 2018. С. 7-18.

Рябова, 2012 – Рябова Т.С. Стратегии выживания беспризорников Челябинской области в экстремальных условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2012. № 3. С. 133-140.

Семья и новый быт, 1926 – Семья и новый быт: Споры о проекте нового кодекса законов о семье / Предисл. Д.И. Курского. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 31 с.

Синицин, 1969 – Синицин А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // *Вопросы истории.* 1969. № 6. С. 20-29.

Славко, 2009 – Славко А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // *Известия Алтайского государственного университета.* 2009. № 4. С. 229-234.

Сорокина и др., 2016 – Сорокина Т.М., Сорокоумова С.Н., Шамова Н.А. Социальное сиротство. Исторические аспекты // *Вестник Мининского университета.* 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-sirotstvo-istoricheskie-aspekty?ysclid=lwtdw7scc5754936070> (дата обращения: 20.05.2024).

Сталинградская битва, 2012 – Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.

Сталинградская битва, 2015 – Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / Пер. с нем. К. Левинсона; отв. редактор Й. Хелльбек. М.: НЛЮ, 2015. 672 с.

Сталинградская область, 1958 – Сталинградская область (физико-географический и экономико-географический обзор). Сталинград: Кн. изд-во, 1958. 424 с.

Сталинградский городской Комитет, 2007 – Сталинградский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2007. 904 с.

Сулейманова, 2015 – Сулейманова Р.Н. Башкирские дети в условиях Великой Отечественной войны: поведенческие модели в чрезвычайных условиях как результат советского воспитания // *Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст.* / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 332-337.

ЦДН ИВО – Центр документации новейшей истории Волгоградской области.

Чудаев, 2016 – Чудаев А.К. Краткий очерк о проблеме борьбы с детской беспризорностью и соблюдении прав ребенка в Российской Федерации // *Современные тенденции развития науки и технологий.* 2016. № 6. С. 138-147.

Щекотихин, 2011 – Щекотихин Е.Е. Демографические и экономические последствия нацистского оккупационного режима для народов Советского Союза // *Studia internationalia.* Материалы международной научной конференции к 70-летию начала Великой Отечественной войны «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.», 22–24 июня 2011 г. Брянск: Ладомир, 2011. С. 166-182.

Щербинин и др., 2021 – Щербинин П.П., Шкунова И.А., Чубаров А.И. Социальная защита, опека и попечение о детях-сиротах в Российской империи и СССР в первой трети XX века. Тамбов: Издатель Чесноков А.В., 2021. 139 с.

References

I-i kodeks zakonov RSFSR, 1918 – I-i kodeks zakonov RSFSR. Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya, brachnom, semeinom i opekunskom prave [1st Code of Laws of the RSFSR. On acts of civil status, marriage, family and guardianship law]. М.: 3-ya Gos. tip., 1918. 66 p. [in Russian]

Antonova, 2012 – Antonova, T.A. (2012). Sotsial'no-pedagogicheskaya rabota s besprizornymi det'mi v sovetskoj Rossii (SSSR) v 1918–1935 gg. [Socio-pedagogical work with street children in Soviet Russia (USSR) in 1918–1935]. [The Thesis for the Degree of Candidate of Science in Pedagogy]. Velikii Novgorod, 142 p. [in Russian]

Bobrovnikov i dr., 2015 – Bobrovnikov, V.G., Dulina, N.V., Ignatova, Yu.E. (2015). Besprizorniki voennogo vremeni: voprosy sotsial'noi zashchity v Stalingradskoi oblasti v period 1941–1945 gg. [Wartime street children: issues of social protection in the Stalingrad region in the period 1941–1945]. *Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik Prikaspiya*. 2 (3): 39-45. [in Russian]

Broshennye deti..., 2018 – Broshennye deti Stalingrada: zhizn' i prestupleniya podrostkov v srazhayushchemsya gorode [Abandoned children of Stalingrad: the life and crimes of teenagers in a fighting city]. 2018 [Electronic resource]. URL: https://bloknot-volgograd.ru/news/broshennye-deti-stalingrada-zhizn-i-prestupleniya--1016982?sphrase_id=7061700&ysclid=lwsvvx590907428139 (date of access: 15.05.2024). [in Russian]

Chudaev, 2016 – Chudaev, A.K. (2016). Kratkii ocherk o probleme bor'by s detskoj besprizornost'yu i soblyudenii prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii [A brief essay on the problem of combating child homelessness and respect for the rights of the child in the Russian Federation]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. 6: 138-147. [in Russian]

Deti i voina, 2014 – Deti i voina: Stalingradskaya bitva i zhizn' v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhitelei goroda [Children and war: The Battle of Stalingrad and life in military Stalingrad in the memories of the residents of the city]. Ed. M.A. Ryblova. Volgograd: Izd-vo RANKhiGS, 2014. 511 p. [in Russian]

Deti i voina, 2018 – Deti i voina: zhizn' v okkupatsii i izgnanii. Materialy oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 9–10 fevralya 2017 g. [Children and war: Life in occupation and exile. Materials of the regional scientific and practical conference, February 9–10, 2017]. Volgograd: [s. n.], 2018. 143 p. [in Russian]

Deti Stalingrada, 2015 – Deti Stalingrada: 10 let posle voiny. Vospominaniya zhitelei goroda [Children of Stalingrad: 10 years after the war. Memories of the residents of the city]. Red. M.A. Ryblova. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 360 p. [in Russian]

Detoubiitsy, 1943 – Detoubiitsy. *Stalingradskaya pravda*. 1943. 228 (4658). November 28. [in Russian]

Ged'ko, 1999 – Ged'ko, M.I. (1999). Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v otnoshenii detei: Opyt i uroki 1920-kh gg. Na materialakh Moskvy i Moskovskoi gubernii [State social policy in relation to children: Experience and lessons of the 1920s. Based on materials from Moscow and the Moscow Province]. [The Thesis for the Degree of Candidate of Science in History]. M., 201 p. [in Russian]

Istoriya Rossii v voprosakh, 1999 – Istoriya Rossii v voprosakh i otvetakh: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [The history of Russia in questions and answers. Textbook for university students]. Comp. S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don: Feniks, 1999. 698 p. [in Russian]

Karamasheva, 1993 – Karamasheva, N.N. (1993). Okhrana detstva v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Vostochnoi Sibiri) [Child protection in the USSR during the Great Patriotic War (based on materials from Eastern Siberia)]. [Thesis Abstract of the Candidate of Historical Sciences]. M., 20 p. [in Russian]

Krinko, 2006 – Krinko, E.F. (2006). Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya [Childhood of the war years (1941–1945): problems and prospects of study]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 25-31. [in Russian]

Krivososov, 2003 – Krivososov, A.V. (2003). Istoricheskii opyt bor'by s besprizornost'yu [Historical experience of combating homelessness]. *Gosudarstvo i pravo*. 7: 92-97. [in Russian]

Kumanev, 1963 – Kumanev, G.A. (1963). Sovetskie zheleznodorozhniki v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Soviet railway workers during the Great Patriotic War]. M.: Izd-vo Akad. nauk, 324 p. [in Russian]

Kuskova, 1990 – Kuskova, E.D. (1990). Besprizornaya Rus'. *Sovetskaya pedagogika*. 10: 122-131. [in Russian]

Lisker, 2002 – Lisker Grigorii (Tsvi) Samuilovich, 1918 g. r. Vospominaniya o 1941–1945 gg. Zapisano v g. Kholon, Izrail'. Data zapisi: 1 iyunya 2002 g. Interv'yuer: O.M. Morozova [Grigory (Tsvi) Samuilovich Lisker, born in 1918. Memories of 1941-1945.]. Lichniy arkhiv O.M. Morozovoi (Rostov-na-Donu) [Personal archive of O.M. Morozova (Rostov-on-Don)]. [in Russian]

Merkur'eva, 2015 — Merkur'eva, V.S. (2015). Shefskaya pomoshch' detyam-sirotam Stalingradskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Patronage assistance to orphans of the Stalingrad region during the Great Patriotic War]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (100): 308-312. [in Russian]

Merkur'eva, 2016 — Merkur'eva, V.S. (2016). Osobennosti organizatsii uchebno-vospitatel'noi raboty v detskikh domakh Stalingradskoi oblasti v 1943–1945 gg. [Features of the organization of educational work in orphanages of the Stalingrad region in 1943–1945]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (107): 219-223. [in Russian]

Nechaeva, 1994 — Nechaeva, A.M. (1994). Okhrana detei-sirot v Rossii (Istoriya i sovremennost') [Protection of orphaned children in Russia (History and modernity)]. M.: Dom, 169 p. [in Russian]

Noskov, 2017 — Noskov, V.Yu. (2017). Obraz voennogo detstva v sovetskom obshchestvennom soznanii 1941–1945 gg. (na materialakh Donbassa) [The image of military childhood in the Soviet public consciousness 1941-1945. (based on the materials of Donbass)]. [Thesis Abstract of the Candidate of Historical Sciences]. Donetsk, 23 p. [in Russian]

Ocherki istorii KPB, 1967 — Ocherki istorii Kommunisticheskoi partii Belorussii [Essays on the history of the Communist Party of Belarus]. Ed. N.M. Meshkova, N.A. Khalipova. Minsk: Gosizdat BSSR, 1967. Part. 2. 586 p. [in Russian]

Panchenko, 2013 — Panchenko, Yu.N. (2013). 163 dnya na ulitsakh Stalingrada [163 days on the streets of Stalingrad]. Volgograd: Izdatel', 260 p. [in Russian]

Pavlova, 2005 — Pavlova, T.A. (2005). Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoi bitve [A classified tragedy: the civilian population in the Battle of Stalingrad]. Volgograd: Peremena, 593 p. [in Russian]

Rokutova, 2008 — Rokutova, O.A. (2008). Sotsial'naya zashchita detei i podrostkov v Srednem Povolzh'e v 1941–1950 gg. [Social protection of children and adolescents in the Middle Volga region in 1941–1950]. [Thesis Abstract of the Candidate of Historical Sciences]. Orenburg, 24 p. [in Russian]

Rostovskii, 1933 — Rostovskii, I.A. (1933). O brake, sem'e i opeke [About marriage, family and custody]. M.: Sov. Zakonodatel'stvo, 71 p. [in Russian]

Rozhkov, 1997 — Rozhkov, A.Yu. (1997). Besprizorniki [Street children]. *Rodina*. 9: 70-76. [in Russian]

Rozhkov, 2000 — Rozhkov, A.Yu. (2000). Bor'ba s besprizornost'yu v pervoe sovetskoe desyatiletie [The fight against homelessness in the first Soviet decade]. *Voprosy istorii*. 1: 134-139. [in Russian]

Ryabets, 2018 — Ryabets, I.A. (2018). Deti – zhertvy voiny (na primere Stalingradskoi bitvy) [Children – victims of war (on the example of the Battle of Stalingrad)]. Deti i voina: zhizn' v okkupatsii i izgnanii. Materialy oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 9–10 fevralya 2017 g. [Children and war: Life in occupation and exile. Materials of the regional scientific and practical conference, February 9–10, 2017]. Volgograd: [s. n.], pp. 7-18. [in Russian]

Ryabova, 2012 — Ryabova, T.S. (2012). Strategii vyzhivaniya besprizornikov Chelyabinskoi oblasti v ekstremal'nykh usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) [Strategies for the survival of street children of the Chelyabinsk region in the extreme conditions of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3: 133-140. [in Russian]

Ryblova, 2014 — Ryblova, M.A. (2014). «Territoriya detstva» v prostranstve voiny (na materialakh Stalingradskoi bitvy) [“The territory of childhood” in the space of war (based on the materials of the Battle of Stalingrad)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4: 37-48. [in Russian]

Ryblova, 2015 — Ryblova, M.A. (2015). Deti Stalingrada: pishchevye praktiki voennogo vremeni [Children of Stalingrad: food practices of wartime]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4: 168-179. [in Russian]

Ryblova i dr. 2015 — Ryblova, M.A., Krinko, E.F., Khlynina, T.P., Arkhipova, E.V., Kurilla, I.I., Nazarova, M.P. (2015). Detstvo i voina: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detei v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Stalingradskoi bitvy) [Childhood and war: the culture of everyday life, mechanisms of adaptation and survival practices of children in the conditions of the Great Patriotic War (based on the

materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 336 p. [in Russian]

Sem'ya i novyi byt, 1926 – Sem'ya i novyi byt: Spory o proekte novogo kodeksa zakonov o sem'e [Family and a new way of life: Disputes over the draft new Family Code]. Preface by D.I. Kurskogo. M.-L.: Gos. izd-vo, 1926. 31 p. [in Russian]

Shchekotikhin, 2011 – *Shchekotikhin, E.E.* (2011). Demograficheskie i ekonomicheskie posledstviya natsistskogo okkupatsionnogo rezhima dlya narodov Sovetskogo Soyuza [Demographic and economic consequences of the Nazi occupation regime for the peoples of the Soviet Union]. *Studia internationalia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 70-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voyny «Zapadniy region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh XVII–XX vv.»*, 22–24 iyunya 2011 g. [Materials of the international scientific conference to the 70th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War “Western region of Russia in international relations XVII–XX centuries”, June 22–24, 2011]. Bryansk: Lodomir, pp. 166-182. [in Russian]

Shcherbinin i dr., 2021 – *Shcherbinin, P.P., Shikunova, I.A., Chubarov, A.I.* (2021). Sotsial'naya zashchita, opeka i popechenie o detyakh-sirotakh v Rossiiskoi imperii i SSSR v pervoi treti XX veka [Social protection, guardianship and care of orphaned children in the Russian Empire and the USSR in the first third of the 20th century]. Tambov: Izdatel' Chesnokov A.V., 139 p. [in Russian]

Sinitsin, 1969 – *Sinitsin, A.M.* (1969). Zabota o beznadzornyykh i besprizornyykh detyakh v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Caring for neglected and street children in the USSR during the Great Patriotic War]. *Voprosy istorii*. 6: 20-29. [in Russian]

Slavko, 2009 – *Slavko, A.A.* (2009). Nachalo formirovaniya normativno-pravovoi bazy po bor'be s detskoj besprizornost'yu i beznadzornost'yu v Rossii v pervye gody sovetskoi vlasti [The beginning of the formation of a regulatory framework to combat child homelessness and neglect in Russia in the early years of Soviet power]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 229-234. [in Russian]

Sorokina i dr., 2016 – *Sorokina, T.M., Sorokoumova, S.N., Shamova, N.A.* (2016). Sotsial'noe sirotstvo. Istoricheskie aspekty [Social orphanhood. Historical aspects]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2016. № 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-sirotstvo-istoricheskie-aspekty?ysclid=lwtdw7sec5754936070> (date of access: 20.05.2024). [in Russian]

Stalingradskaya bitva, 2012 – Stalingradskaya bitva. Iyul' 1942 – fevral' 1943: entsiklopediya [The Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943: Encyclopedia]. Ed. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: Izdatel', 2012. 800 p. [in Russian]

Stalingradskaya bitva, 2015 – Stalingradskaya bitva: svidetel'stva uchastnikov i ochevidtsev [The Battle of Stalingrad: testimonies of participants and eyewitnesses]. Translated from German by K. Levinson; ed. I. Khell'bek. M.: NLO, 2015. 672 p. [in Russian]

Stalingradskaya oblast', 1958 – Stalingradskaya oblast' (fiziko-geograficheskii i ekonomiko-geograficheskii obzor) [Stalingrad region (physical-geographical and economic-geographical overview)]. Stalingrad: Kn. izd-vo, 1958. 424 p. [in Russian]

Stalingradskii gorodskoi Komitet oborony, 2007 – Stalingradskii gorodskoi Komitet oborony v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: dokumenty i materialy [Stalingrad City Defense Committee during the Great Patriotic War: documents and materials]. Ed. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: Izdatel', 2007. 904 p. [in Russian]

Suleimanova, 2015 – *Suleimanova, R.N.* (2015). Bashkirskie deti v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voyny: povedencheskie modeli v chrezvychainyykh usloviyakh kak rezul'tat sovetskogo vospitaniya [Bashkir children in the conditions of the Great Patriotic War: behavioral models in emergency conditions as a result of Soviet upbringing]. *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.: sb. nauch. st.* [Man in the conditions of modernization XVIII–XX cc.: Collection of scientific articles.]. Ed. V.V. Alekseev. Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 332-337. [in Russian]

TsDNIVO – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti [Center for Documentation of Modern History of the Volgograd Region].

V shtabakh Pobedy, 2020 – V shtabakh Pobedy. 1941–1945: Dok. v 5 kn. Kn. 1. 1941. “Vstavai strana ogromnaya” [At Victory headquarters. 1941–1945: Doc. in 5 books. Book 1. 1941. “Get up, the country is huge”]. M.: Nauch.-polit. kn., 2020. 576 p. [in Russian]

Varekhina, 2012 — Varekhina, A.N. (2012). Detskie doma na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Orphanages in the Urals during the Great Patriotic War]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4: 32-39. [in Russian]

Детские дома Сталинграда: восстановление на руинах, 1941–1945 гг.

Ольга Михайловна Морозова ^{a, *}, Александр Андреевич Троянов ^b

^a Донской государственный технический университет, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Детские дома стали основной формой государственного попечения над детьми, оставшимися без родительской опеки, в 1920-е гг. В течение 1930-х гг. сформировалась модель детского дома как воспитательного и образовательного учреждения и как формы жизнеустройства детей, принятых под государственную защиту. С началом боевых действий Великой Отечественной войны организованные детские группы вывозились на восток. Сталинградская область стала одной из принимающих эвакуированных из западных районов страны. Для продовольственного обеспечения воспитанников в детских домах создавались подсобные хозяйства, куда передавались участки земли и эвакуированное имущество. Дети находились среди жителей Сталинграда, которые не смогли выехать на левый берег Волги. Рассказы выживших на улицах разрушенного города подростков, включенные в доклады отдела школ и вузов обкома партии и датированные 1943 г., подтверждают событийный ряд воспоминаний, записанных спустя десятилетия. В ходе освобождения области стали создаваться специальные детдома для детей-сирот, потерявших родителей во время боев в Сталинграде и в области и пережившие оккупацию. Подростковая преступность, проявившая себя в первые месяцы уличных боев в Сталинграде, после освобождения уже не была столь высокой. Несмотря на то, что «детский фронт» стал местом, где возникали различные инициативы и почины, острый дефицит ресурсов тормозил восстановление материальной базы детских учреждений. Использование методов работы с детьми, разработанных в предвоенное время, способствовали укреплению воспитательной работы с детьми.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, военное детство, специальные детские дома, беспризорники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olgafrost@gmail.com (О.М. Морозова)